

СВЕРКАЮЩИЙ ТАЛАНТ

На соискание
Руставелевской премии

Сила перевоплощения

ВАСО ГОДЗИАШВИЛИ! Сколько достигений грузинского театрального искусства связано с этим именем!

Один из корифеев грузинского советского театра, Васо Годзиашвили всегда очаровывал и изумлял меня своим сверкающим актерским талантом. В этом уникальном актере сфокусировалось все лучшее, что присуще воистину большой актерской индивидуальности: поразительное сценическое обаяние, сила перевоплощения, особый талант фантазии и импровизации, внутреннее горение, глубина переживания, большой темперамент, безошибочное чутье, помогающее точно ощутить форму драматургического образа, головокружительная щедрость средств актерской выразительности, несомненное многообразие характерных штрихов и сценических деталей.

Васо Годзиашвили — актер широкого диапазона. Он с одинаковой легкостью преодолевает сложности в создании образов глубоко трагических и образов ярко характерных, гротесковых и х. Контрастные краски его творчества безграничны. Свообразие актерского видения образа всегда придает неповторимость его сценическим героям.

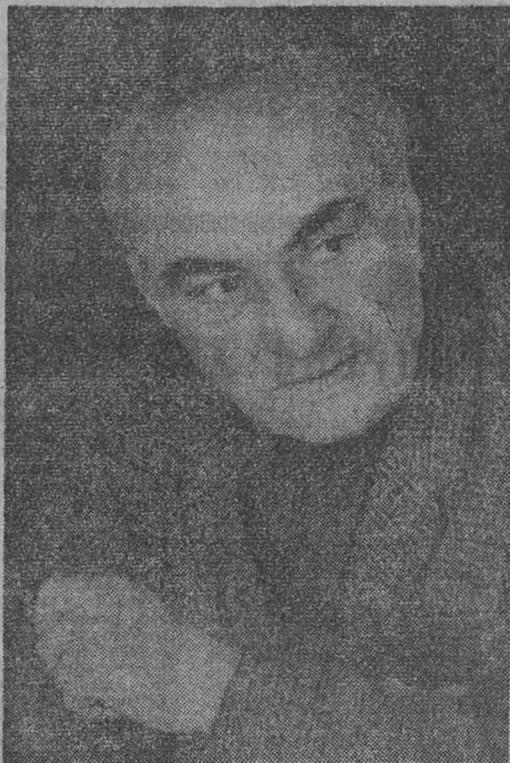
Начиная свою режиссерскую деятельность, я мечтал поставить «Свадьбу Фигаро» с участием Васо Годзиашвили. С тех пор прошло много лет, и вот я встретился с большим мастером сцены в постановке «Дон Карлоса», где Васо Годзиашвили работал над

ролью Филиппа II, и я испытал огромное удовлетворение от творческого сотрудничества с ним...

Две работы Васо Годзиашвили последних лет — «Старые водевили» и Луарсаб Таткаридзе («Человек ли он?!») по произведению Илья Чавчавадзе) заслуженно представлены на соискание Государственной премии имени Шота Руставели. В первом спектакле комедийный талант актера сверкает всеми красками фейерверка.

Его юмор вызывает не только искренний смех, но и приобретает великое воспитательное значение. Мы становимся свидетелями глубокого воздействия сценического искусства на зрителя, свидетелями демонстрации блистательного актерского мастерства.

Образ Луарсаба в исполнении Васо Годзиашвили я считаю конгенитальным чавчавадзевскому герою, подобно тому, как «Борис Годунов» и «Евгений Онегин» Пушкина нашли конгенитальное воплощение в музыке Мусоргского и Чайковского. Луарсаб Васо Годзиашвили

—образец глубокого актерского обобщения, пример мастерства перевоплощения. И мы восстановили этот спектакль, чтобы молодое поколение училось на этом высочайшем примере, чтобы оно понимало, что такое настоящее театральное искусство.

Димитрий АЛЕКСИДЗЕ, художественный руководитель и главный режиссер Государственного академического театра им. К. Марджанишвили, народный артист Грузинской и Украинской ССР, лауреат Государственной премии им. Т. Шевченко.

Выдающийся современный актер

ВАСО ГОДЗИАШВИЛИ — выдающийся современный актер, его творческий диапазон необычайно широк. Я помню, с каким восторгом принимала московская публика его выступления в главной роли шекспировского «Ричарда III». Об этом незабываемом трагедийном образе — наряду с другими удачами театров Грузии — мне посчастливилось писать во время Декады грузинского искусства и литературы в Москве. Прошло 13 лет. И вот новая встреча с Васо Годзиашвили: Филиппом в «Дон Карлосе», Луарсабом и с постановщиком — возобновителем замечательного спектакля В. Кушиташвили «Человек ли он?», наконец, режиссером-постановщиком «Старых водевилей», в которых он одновременно исполняет три роли. Какой размах, какой творческий азарт и артистическая отдача! Поистине не стареет талант замечательного мастера грузинской сцены!

Для московского критика каждая новая встреча с театрами Грузии — это богатые и разнообразие впечатлений от искусства самобытного, яркого, в национальном своеобразии, индивидуально неповторимого. На этот раз кульминацией встречи стал спектакль «Старые водевили».

Васо Годзиашвили — актер, и, казалось бы, об этой стороне его творчества следовало говорить прежде всего. Но мне хочется начать с Годзиашвили — постановщика «Старых водевилей».

В последнее время режиссеры, даже очень талантливые, конструируя спектакль,

стремятся выпукло подать актера. Забота ли о самовыражении тому причиной или режиссерское «самолюбие», но я бы сказал, что современные режиссеры мало любят актеров.

Не то в «Старых водевилях». Сам актер, Васо Годзиашвили понимает, как важна свобода и творческая раскованность актеров на сцене, как важно создать условия для раскрытия их талантов. И он как режиссер сполна предоставляет своим товарищам по искусству такие возможности. В «Старых водевилях» блестяще раскрываются дарования мастеров театра имени Марджанишвили.

В постановке В. Годзиашвили актерам марджановского театра — раздолье. Постановщик щедро поделился с более молодым поколением исполнителей своим знанием жизни, знанием приемов старых мастеров, пониманием того, как художественные краски, вроде бы давно списанные в архив или занесенные в ряд сценических штампов, вдруг оживают и сверкают по-новому, когда они подчинены задачам подлинного искусства.

Своим спектаклем В. Годзиашвили наглядно связывает традицию старых мастеров грузинского театра с поисками современного искусства и убедительно доказывает, что дело не в старых или новых приемах, а в живой душе искусства. Она присутствует в «Старых водевилях», всем дышит с легкостью и свободно в этом веселом, праздничном спектак-

ле. И режиссеру с его неистощимой комедийной фантазией, прямо-таки каскадом остроумных находок и решений, и актерам с их смелой, ярко импровизационной игрой. В этом еще один из уроков «Старых водевилей».

И, наконец, сам Годзиашвили — исполнитель трех ролей. Все они — неповторимо разные, для каждой из них артист находит свою форму, свой подход к решению сценического характера.

Тигран Опопянц в «Проказнице» решен в простых и вечно живых традициях клоунской маски, народного балагана в лучшем понимании этих слов. При этом Годзиашвили умудряется оправдывать самые острые сценические приемы и краски, а временами наполняет образ определенным психологическим содержанием. Трактирщик Аршак из «Старого суда» играет артистом иначе — достоверно и правдиво, без шаржирования и преувеличения. И все же роль получилась куда более смешной, нежели в «Проказнице».

А образ Старого актера — стержень спектакля, его оправдание и его современный идейно-художественный смысл. Грустная, щемлящая нота приходит с этой ролью в веселый спектакль. Старый актер — это душа самого Годзиашвили, его щедрого таланта, который прощается и не хочет проститься со сценой, живет на ней и готов умереть здесь — в этом вся его жизнь. Мы страдаем образу и восторгаемся артистом. Годы идут, но настоящее искусство вечно.

В. СЕЧИН, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института истории искусств (Москва).